

Прывітанне, школа!

Пачынаеца год навучальны
Урачысты, як вечар вяняльны.
І чуваць, як з даўнасці сівой
Ведаў развінаеца сувой.
І прыходзяць раніцай да вас
Еўрыпід з Сафоклам ў новы клас.
Шчодрыцца, як сяйва юных зор
Дат, падзеяй, гісторыі ўзор.
З пракаветнай памяці плыве
Белая ладдзя, і вось павеў
Ветру зноў даносіць галасы
Праз гады, праз моры і лясы
Тых, хто жыў калісьці і світаў
І ў нябесах вечнасці растаў,
Але справы, думныя радкі
Ажываюць ў кнігах на вякі...

Людміла Забалоцкая

Серыя "У дапамогу педагогу"
заснавана ў 1995 годзе па ініцыятыве У.П. Пархоменкі

Штоквартальны навукова-метадычны часопіс
Выдаецца з I квартала 1997 года
Рэгістрацыйны № 842

ГІСТОРЫЯ

ПРАБЛЕМЫ ВЫКЛАДАННЯ

№ 3 (23) ' 2002

Заснавальнік і выдавец –
Выдавецтва
“Адукацыя і выхаванне”

Рэдакцыйная камегія

Галоўны рэдактар
М.І. Мініцкі

Намеснік галоўнага рэдактара
Н.М. Ганушчанка

Адказны сакратар
Л.В. Саламаха

Члены рэдкалегіі
І.І. Багдановіч
С.К. Ганцова
Г.А. Космач
У.С. Кошалеў
У.М. Міхнюк
С.В. Паноў
М.С. Сташкевіч
К.І. Сякацкая
У.В. Тугай
В.М. Фамін
В.М. Шутава
А.А. Яноўскі

220004, г. Мінск,
вул. Караваля, 16;
тэл.: (017) 229-19-71,
факс: (017) 220-54-10

УOK-6
44413

собственного незнания, возникновение конфликта между знанием и незнанием, активизация усилий для устранения последнего.

Операционно-познавательный: подведение учащихся к самостоятельному постижению нового материала в процессе поисковой деятельности; усвоение ими содержания темы, овладение учебными действиями; применение полученных знаний для решения частных задач.

Рефлексивно-оценочный: анализ школьниками собственных учебных действий, определение затруднений, с которыми они столкнулись в ходе познавательной деятельности; сопоставление результатов деятельности с поставленными учебными задачами; создание ситуации, в которой ученик увидит достигнутый индивидуальный результат, произведет его самооценку, сравнивая «себя сегодняшнего с собой вчерашним». Содержанием рефлексии должно быть не только содержание темы, но и способы учебной деятельности, которые могут быть использованы в будущем для решения новых учебных задач [6, с. 161—163].

Таким образом, все вышеперечисленные аспекты реализации развивающего потенциала школьного курса истории в X—XI классах связаны с обновлением основных факторов процесса школьного обучения истории: целей обучения, содержания, организации процесса обучения. Успешность решения этой задачи будет целиком зависеть от учителя, его профессионализма, уровня методической подготовки, стремления к его повышению путем постоянного самообразования.

1. Беспалько В.П. Программированное обучение: Дидактические основы. — М., 1970. — С. 46—48.
2. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (в поисках практико-ориентированных образовательных концепций). — М., 1998.
3. Гершунский Б.С. Педагогическая прогностика: методология, теория, практика. — Киев, 1986.

4. Громыко Ю.В. Организационно-деятельностные игры и развитие образования. — М., 1992. — С. 142—186.
5. Громыко Ю.В. Проектирование и программирование развития образования. — М., 1996. — С. 404—445.
6. Ксенофонтова Г.Ю. Перспективные школьные технологии: Уч.-метод. пособие. — М., 2001.
7. Лerner И.Я. Развитие мышления учащихся в процессе обучения истории. — М., 1982.
8. Лисейчиков О.Е. Педагогическое проектирование содержания учебных курсов и базисного плана 12-летней школы в условиях разноуровневого обучения. — Мн., 2001.
9. Теоретические основы содержания общего среднего образования / Под ред. В.В.Краевского, И.Я.Лernerа. — М., 1983.
10. Шатон Г.И. Использование схемотехнических и герменевтических технологий в учебном процессе. — Мн., 1994.

Людмила Слуцкая, выпускница аспирантуры
Уральского государственного
университета им. А.М.Горького

Русская революция 1917 года глазами французов

Данная статья имеет непосредственное отношение к изучению истории России XX века и новейшей истории Запада (1900—1939). Материалы ее могут быть использованы при подготовке учителя истории к занятиям в XI классе по темам: «От Февраля к Октябрю», «Советская Россия в годы гражданской войны и интервенции» и «Завершающий этап Первой мировой войны. Революции в стра-

нах Центральной и Западной Европы», а также для выполнения проблемно-познавательных заданий, требующих сравнения, анализа или обобщения.

Роблема Русской революции 1917 года занимает важное место в курсе школьной программы и является одной из наиболее сложных и дискуссионных в изучении истории XX века. Материал о Русской революции 1917 года до сих пор неоднозначно преподносится на уроках.

После краха Коммунистической партии и распада Советского Союза изменились прежние концепции социалистической революции. В 90-е годы произошло резкое смещение в сторону изучения политических противников большевиков, белого движения и негативных сторон советской власти. Произошел своеобразный «перекос» от абсолютизации положительной оценки российской революции 1917 года к подмене понятия «революция» формулой «октябрьский переворот» [1]. Но при всем многообразии оценок и концепций, царящих в учебно-методической литературе, мало кто отрицает, что Русская революция 1917 года была наиболее значительным событием XX века. И в учебниках по истории России XX века утверждается, что «...октябрьские события... положили начало новой великой революции, перевернувшей социально-экономические, политические и культурные устои России и потрясшей весь мир» [2, с. 116], и в учебниках по новейшей истории отмечается, что «Февральская и Октябрьская революции оказали огромное влияние на ситуацию в Европе и мире» [3, с. 28].

В последнее время в учебниках по истории России доминирует точка зрения, что «революционный процесс 1917 года следует рассматривать в теснейшей связи с гражданской войной и «военным коммунизмом». Это звенья одной цепи, поэтапно раскручиваемые с катушки истории. Этапы логически обусловливают друг друга. Следствия одного являются причинами другого» [4, с. 123]. Действительно, невозможно понять

судьбу и характер Русской революции, не выходя за пределы 1917 года.

Сегодня, когда существуют и используются различные варианты программ и учебников, сбалансированный и разносторонний взгляд на революцию поможет наиболее плодотворно изучить сложнейший период отечественной истории.

Учитель должен постоянно помнить, что время меняет смысл понятий при переходе из одной эпохи в другую. Нельзя ничего понять в поведении большевиков и тех, кто встал на их сторону, не принимая во внимание кардинальных изменений, произошедших с той поры, как с фактами, так и со смыслом слов. Поэтому учителю истории необходимо анализировать события с разных сторон, абстрагируясь от политических симпатий и антипатий, предубеждений и сложившихся стереотипов. Изучение Русской революции 1917 года важно осуществлять не только по тексту учебника, но и с помощью источников различного характера. Учителю важно обращать внимание не только на официальные документы и декреты советской власти, но и на свидетельства современников и участников революционных событий, поскольку облик революции в России связан, прежде всего, с поколением, на которое легла основная разрушительная нагрузка.

Как известно, среди тех, кто принял участие в Русской революции 1917 года, были и выходцы из стран Западной Европы. Целое поколение западных интеллектуалов через нравственные искания пришли к интриге с большевизмом, пытаясь уйти от мира, где «действие в мечтах», к миру, где мечта — в действии. Именно в этом для многих из них заключалась притягательность большевизма. «В нашу эпоху, — писал известный русский философ Н.А.Бердяев, — цивилизация Запада обращается на Восток и перекультурные люди этой цивилизации ищут свет с Востока» [5, с. 11].

Но многие зарубежные интеллектуалы, искренне принявшие идеи Октября 1917 года, на несколько десятилетий оказались вычеркнутыми советской историографией несмотря на

то, что сыграли большую роль в становлении советского государства, организации Коминтерна.

В учебной литературе советского периода для будущих поколений были оставлены имена тех, кто погиб за идею социализма (Жанна Лябурб) [6, с. 215] или встал на апологетические, сервильные позиции по отношению к советским властям. Пример тому личности Марселя Кашена [7, с. 27–28], Поля Вайян-Кутюрье [8, с. 88], которые угождали большевистскому руководству.

В этих условиях особое значение приобретает анализ идеологических позиций тех, кто пришелся не ко двору в стране Советов, но с огромной симпатией отнесся к Русской революции и участвовал в первых преобразованиях в Советской России. В обширном ряду привлеченных «снобом большевизма» европейцев особое место занимают два очень разных, но в чем-то удивительно близких человека — П.Паскаль и В.Серж. Несмотря на то что все их произведения посвящены проблемам России, их свидетельства не получили пока еще распространения в массовой учебно-методической литературе. На основе приведенных свидетельств учитель может разработать практическое занятие, используя следующие вопросы:

1. Что привлекло Паскаля и Сержа в большевизме?
2. В чем, по мнению Паскаля, причины роста популярности большевиков среди русского народа?
3. Как Паскаль и Серж оценивали события в Советской России после Кронштадтского восстания? Согласны ли вы с их оценкой?
4. Как последующая история советской страны за три четверти века подтвердила (или опровергла) оценки и прогнозы, содержащиеся в приводимых документах? Назовите конкретные факты, подтверждающие ваши рассуждения.

Одним из первых свидетелей Русской революции 1917 года был молодой французский интеллигент Пьер Паскаль*. В 1916 году в составе французской военной миссии он попадает в Россию, в которой ему предстояло остаться почти на 17 лет. С этого времени Паскаль ведет дневник, в котором ежедневно фиксирует не только происходящие события, но и пытается понять русскую душу и характер, прибегая к анализу и описанию образа жизни простых людей.

В России он почти сразу начинает симпатизировать большевикам: его подкупает их антивоенная политика. «Их пропаганда мира отвечала моим идеалам» [9, с. 163], — отмечал Паскаль. Он видел большевиков «единственно способными и единственно решившимися на социальную революцию» [9]. Его энтузиазм в преобразовании старого мира питался, прежде всего, сознанием того, что великое дело революции осуществляется таким народом, как русский. Незадолго до взятия власти большевиками Паскаль выступает во Французском институте в Петрограде с докладом «Русская душа глазами латинянина» [11, с. 233–235], в котором говорит о цельности души русского народа. По его мнению, Русскую революцию можно объяснить, только принимая во внимание основные черты русской народной души: коллективизм — вольность — максимализм. Первая — основа, вторая — негатив, третья — позитив. В своем докладе он называет основные проявления этих особенностей русской души. Так, коллективизм проявляется в самоорганизации людей в очередях, в голосовании целыми полками, во вкусе к артелям и кооперативам, в обраще-

* Паскаль Пьер (1890–1983) — французский ученый-славист. В 1917 году, будучи членом французской военной миссии в России, примкнул к большевикам, входил во французскую коммунистическую группу в Москве. В 1925 — сотрудничал с группой вокруг революционно-синдикалистского журнала «Пролетарская революция». После возвращения во Францию в 1933 году сосредоточился на научной и преподавательской работе; профессор славянских языков в Сорbonне, автор ряда трудов по истории русской церкви.

шениях «товарищ», «гей, православные!», а также в теории «соборности». Следствием этой черты в сознании стал, с его точки зрения, недостаток гордости: русский смирен, но подозрителен к личностям, которые «высовываются».

С одной стороны негативной, а с другой – притягательной казалась для Паскаля вторая черта – вольность: отвращение к строгому соблюдению правил, разбросанность в ущерб карьере, отвращение к расчету, пренебрежение логикой и склонность к бродяжничеству. Как следствие, Россия подчиняется не столько закону, сколько влиянию того, кому удастся завоевать ее доверие.

Проявление русского максимализма Паскаль отмечает в свойственной русским потребности по любому вопросу начинать от сотворения мира, в непонимании разницы между индивидуальной и государственной моралью. Именно с этой особенностью он связывал растущий авторитет большевизма в политике. Негативным следствием такого максимализма Паскаль считал склонность к отчаянию: будучи не в силах достигнуть абсолютного блага, русские бросаются в абсолютное зло.

Такая трактовка русской души определила отношение Паскаля к революции 1917 года, которая, по его мнению, была революцией не партии, а народа, который принял большевизм не умом, а душой.

Еще в июле 1917 года Паскаль отмечает в своем дневнике, что в Петрограде начинается «мощный подъем социалистического движения» [10, с. 157]. Анархисты заявляют: «Сегодня мы – самые сильные. Буржуа попрятались в своих коридорах и задних комнатах. Бейте всех!» [10, с. 177].

Паскаль не был очевидцем событий 25 октября 1917 года, об изменении власти в Петрограде он узнал, возвращаясь из командировки: «В поезде. Разговор прaporщиков: «Большевики взяли власть». И только дальше – полное безразличие. Разговоры о деревне, о службе... Вагон переполнен. Женщина едет от Владивостока, возражает против курения, протестует против тех, кто не платит, а претендует на место, т.е. против

солдат. Ей отвечают: «Сейчас все для них. Только что Совет солдатских депутатов взял власть...» [10, с. 239–240].

После взятия власти большевиками Паскаль напишет: «Русская революция, какая бы реакция за ней не последовала, вызовет такой же огромный резонанс, как революция 1789 г., и даже больший: это не случайность, это эпохальное событие...» [10, с. 247].

26 декабря 1917 года Паскаль пишет о будущем Русской революции, которая упускает христианский шанс: «Петроград сегодня представляет собой небывалую сцену. На ней разыгрывается дуэль двух обществ: нынешнего и завтрашнего. Понять друг друга они не способны, они расположены в разных плоскостях. Они не видят общей почвы, поскольку помимо самих себя не признают ничего. Общая почва могла бы найтись, ибо есть нечто высшее – Церковь, но ни те, ни другие не желают ее признавать, а потому обречены: одни – на гибель, другие – на неудачу» [10].

Оценивая события тех дней, Паскаль подчеркивает, что «...все, что говорят против большевиков с точки зрения настоящего, называя их предателями, агрессорами, дезорганизаторами, является абсолютно верным: но это не может и не должно их задевать, ибо они объявили войну существующему строю и не скрывают этого.

Они теоретики, но русский народ, который является социалистом и большевиком только на словах, следует за ними, ибо он тоже смотрит в будущее. Он хочет прекращения несправедливости и несчастья на земле» [10].

Воспринимая революцию, прежде всего, через призму симпатии к русскому народу, особенно крестьянству, воплощавшему христианские добродетели, Паскаль отмечает перемены в настроениях крестьян после революции: «Крестьяне Тульской губернии два года назад за свой счет пышно похоронили дочь своего бывшего помещика, убитого на войне, даже часовенку возвели над могилой... А теперь грабеж, раскопали могилу и сняли с трупа ботинки» [10, с. 245].

Опровергая статьи, появившиеся во французской прессе, где Россия была представлена жуткой страной, Паскаль в письме к родным пишет: «Россия не такова, какой ее представляют газеты: она, прежде всего, надежда будущего, ее единственная вина – представлять прогресс, а изобретатели всегда несчастны. Позже признают, что русские правы и их будут прославлять» [10, с. 273].

Но Кронштадтское восстание, политика НЭПа заставляют Пьера Паскаля признать, что русская революция провалилась. НЭП – это «поражение революции, – писал Паскаль, – единственной революции, которая меня интересовала, той, о которой мечтал русский народ, она сулила новый мир, не ведающий ни одного из изъянов: произвела властей, закоренелого неравенства, несправедливости, зоологического патриотизма, войн» [11, с. 8]. Русская революция потеряла для него свою чистоту, перестала быть осуществлением религиозных обетований. Содержание некогда привлекавших Паскаля ценностей на практике оказалось диаметрально противоположным: равенство людей свелось к концепции уравнительной справедливости, индивидуально-личное начало стало лишь частью системно-целого, а марксизм оказался облеченный в форму религии человекобожия. Паскаль делает вывод, что в России настает период Директории: «Время благоприятствует расторопным и проворным, царит лицемерие, оппозиция неотличима от большинства» [12, с. 34]. Советская политическая жизнь стала теперь в его глазах такой же достойной презрения, как и буржуазный парламентаризм [13, с. 134]. Паскаль перестал быть коммунистом, он выходит из партии и становится научным сотрудником Института Маркса – Энгельса, а в 1933 году возвращается во Францию. Несмотря на разрыв с большевизмом, он сохранил высокую веру в русский народ, считая, что самобытные качества его души рано или поздно обернутся возрождением России.

В отличие от Паскаля, Виктор Серж* не был непосредственным свидетелем революции 1917 года. Он приехал в Россию в 1919 году. Как и многие другие представители западной интеллигенции, приветствовал Русскую революцию, полагая, что она ускорит процесс превращения России в цивилизованную социалистическую страну. Все свои надежды Виктор связывает с Русской революцией и социалистической идеей в ее большевистском варианте. «Вся первая фаза Русской революции определялась, – писал Серж, – великой честностью Ленина и его окружения. Именно это влекло нас к нему от всех горизонтов и из всех стран. В Испании, в начале 1917 г., мы обсуждали Русскую революцию...

Сальвадор Сеги** ... задал мне вопрос о большевизме, который становился одновременно и самой большой тревогой мира, и его самой большой надеждой. Мы отнюдь не были марксистами, но уже различали в дохординших до нас искаженных отголосках ленинского слова прямоту, в общем, необычайную.

«Большевизм, – сказал я, – это соответствие слова и дела. Вся заслуга Ленина состоит в воле к реализации собственной программы... Земля – крестьянам, заводы – рабочему классу, власть – трудящимся. Об этом говорили много, но никогда всерьез не думали о переходе теории к воплощению. Ленин, по-видимому, на пути к этому...» [14, с. 5].

* Кибальчич Виктор Львович (1890–1947) – более известный по литературному псевдониму Виктор Серж. Родился в Бельгии в семье русских народовольцев. Участвовал в анархистском движении в Бельгии, Испании и Франции. В 1919 году был депатриирован в Россию, примкнул к большевикам. Работал в аппарате Коминтерна. В 1933 году был арестован и сослан в Оренбург; в 1936 – благодаря международной кампании протesta ему удалось покинуть СССР. Впоследствии он опубликует несколько работ о советском режиме.

** Сеги Сальвадор (1887–1923) – деятель испанского профсоюзного движения, анархист. Один из руководителей Национальной конфедерации труда Испании. В 1917 году принимал участие в организации всеобщей революционной стачки. В начале 20-х годов сблизился с коммунистами. Погиб от рук наемного убийцы.

Еще в 1910 году романтик революции Серж писал, что русский народ «ведет ту же борьбу, что и мы здесь [на Западе]». Убежденный в том, что России предстоит повторить исторический путь Европы, молодой анархист утверждал следующее: «Славянская раса... более молодая, чем латинские, ибо пришла в цивилизацию позднее... она может от нее воспринять все хорошее и попытаться откинуть ее пороки». При этом, некоторые особенности русского характера — «они умеют бороться, действовать, как думают... идти до конца», — по его мнению, предопределяют особую революционность России [15, с. 145–146]. Разочаровавшись в практике анархизма в Европе, Серж увидит в большевизме (соответственно, революции) воплощение принципов анархизма. «Русская революция, — отмечает он, — открывает новую эру. Она — только первый эпизод великой революции, которая должна изменить цивилизованный мир» [16, с. 8].

Прибыв в Россию, Серж в кратчайшие сроки становится активным участником всех происходящих в ней событий. Еще не будучи большевиком он уже участвует в организации, а затем и в практической работе Коминтерна.

Свой переход в лагерь большевиков он объясняет следующим образом: «Я буду с большевиками, потому что они упорно, не унывая, с замечательным рвением и обдуманной страстью делают все, что необходимо; потому что лишь они могут сделать это, взяв на себя ответственность за любые инициативы и проявляя удивительную силу духа» [17, с. 95].

Для Сержа было очевидно, что «если бы в результате восстания большевики не взяли власть, старые генералы-заговорщики, при поддержке офицерских организаций, наверняка не упустили бы случая. Россия могла избежать красного террора, лишь пережив террор белый; она избежала бы «диктатуры пролетариата» только в случае установления диктатуры реакционной. Так что самые возмущенные высказывания антибольшевистских интеллектуалов ... встать на сторону контрреволюции открыли для меня необходимость большевизма» [17, с. 92–93]. Таким образом, по мнению Сержа, иного пути у революционных масс не было.

Однако конкретные исторические события — подавление Кронштадтского восстания, становление на путь однопартийской диктатуры, усиление террора — не оправдали его революционно-романтических ожиданий. Ужесточение режима, единоличная власть партии, подавление инакомыслия были изначально неприемлемыми для Сержа. «В русской революции я сразу же распознал глубинные зародыши скверны, такие, как нетерпимость и склонность преследовать инакомыслящих. Они проистекали от чувства обладания абсолютной истиной в сочетании с теоретическим окостенением» [17, с. 459] — писал он. По его мнению, «создание ЧК — одна из тяжелейших ошибок, совершенных большевистскими лидерами в 1918 году, когда происки врагов, блокада и иностранная интервенция заставили их потерять голову» [17, с. 100].

Трансформация идеи социализма, усиливающийся террор приводят его к мысли о вступлении в Рабочую оппозицию, образованную в 1923 году. Однако ее разгром привел к победе бюрократии, и сталинское вступление во власть явилось для Сержа началом контрреволюции: «Примечательное совпадение дат: советский термидор произошел в ноябре 1927 г., в годовщину взятия власти. За десять лет истощенная революция повернулась против самой себя» [17, с. 272]. Из двух сторон социализма — индивидуалистической и материалистической — победу одержала вторая, сводящая осуществление интересов и целей личности к идее надындивидуального устройства хозяйственной жизни, тем самым диктуя индивиду самоограничения.

Анализируя режим, к которому пришли большевики, он писал: «Они систематично строили не либертарное государство-коммуну, как заявляли, но сильное государство в старом смысле слова, сильное своей полицией, цензурой, монополизмом, всемогущими канцеляриями. В этом смысле впечатляет контраст между программой большевизма 1917 года и его государственной деятельностью...» [18, с. 142].

Для него новое поколение строителей социализма: «свора высокочек», не понимающая «...значения слова совесть», живу-

шая «...за счет силы и железных лозунгов, прекрасно знающих, что она украла у нас старые знамена... Мы были беспощадны, чтобы изменить мир, они будут такими, чтобы сохранить добычу. Они утверждают, что все уже свершилось, и для них действительно свершилось все, поскольку все в их руках. Они будут бесчеловечны из трусости» [19, с. 120]. Русская революция вышла из-под воли тех, кто в разное время претендовал на руководство ею.

В 1933 году Серж был арестован и отправлен в ссылку в Оренбург, откуда ему чудом удалось освободиться в 1936 году после международной кампании протеста. Вернувшись в Европу, он решительно выступил с левых позиций против советской системы, характеризуя ее как антисоциалистическую, антидемократическую и антигуманную. Уже в 30–40-е годы он смог ответить на многие ключевые вопросы русской общественной жизни: о сталинизме как составной части большевизма, о природе общественного строя, нами пережитого, и перспективах социализма.

И Пьер Паскаль, и Виктор Серж принадлежали к тому поколению, судьбу которого определила Русская революция 1917 года. Как и многие другие, они увидели в ней великий порыв к освобождению, практический переход к осуществлению социалистической идеи, но практика построения нового государства оттолкнула их, обернувшись личной трагедией для каждого. На их глазах рушилось и извращалось все то, во что они верили и за что не жалели своей жизни.

Революция и последствия, к которым она привела, воспринимались западными интеллектуалами в разное время по-разному. Но очевидно одно: они реально оценивали события, происходившие в России, и сумели увидеть многие характерные для советской системы явления и процессы намного раньше, чем это произошло в самом СССР. И что очень важно, они были не отвлеченными наблюдателями, а свидетелями, живыми очевидцами и активными участниками революционных событий. Прошло много лет, но ценность сви-

детельств очевидцев русской революции не только не устарела, но даже возросла. Не скованные идеологическими и политическими догмами западные интеллектуалы сумели увидеть в русской революции зародыши тоталитаризма, крайнюю заидеологизированность и однобокость в построении Советского государства.

Обращение к источникам такого характера в преподавании позволяет значительно расширить кругозор учащихся, подвести их к пониманию правомерности различных взглядов, несовпадающих точек зрения на одни и те же процессы и конкретные события. Свидетельства, представленные в данной статье, помогут прежде всего самому учителю понять и объяснить причины притягательности большевизма не только для русского народа, но и для западных интеллектуалов.

1. История России. XX век: выбор моделей общественного развития. – М., 1994.
2. Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Россия в XX веке. Учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений. – М., 1999.
3. Посконин В.С., Смирнов В.П., Сороко-Цюпа О.С. Мир в XX веке: Учеб. пособие для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений. – М., 1997.
4. Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. 11 класс: Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. – М., 2001.
5. Бердяев Н.А. Освальд Шпенглер и «Закат Европы» // Освальд Шпенглер и «Закат Европы». – М., 1922.
6. История СССР (1900–1937). Пробный учебник для 9 кл. средней школы / Под ред. Ю.С.Кукушкина. – М., 1982.
7. Новейшая история 1917–1939: Учеб. для 10 кл. сред. шк. / Под ред. В.К.Фураева. – М., 1989.
8. Новейшая история 1917–1939: Учеб. для 10 кл. сред. шк. / Под ред. В.К.Фураева. – М., 1991.
9. Pascal P. En communisme: mon journal de Russie 1918–1920. – Lauzanne, 1977.
10. Pascal P. Mon journal de Russie: a la mission militaire française 1916–1918. – Lauzanne, 1975.
11. Pascal P. En communisme: mon journal de Russie 1918–1920. – Lauzanne, 1977.

12. *Pascal P.* Mon journal de Russie 1927. – Lauzanne, 1986.
13. *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. – М., 1998.
14. *Serge V.* De Lenin a Stalin // Crapouillot, janvier. 1937. Numuro spacial.
15. *Serge V.* Le Retif. Articles parus dans "L'Anarchie" 1909–1912. – Paris, 1989.
16. *Serge V.* Les anarchistes et l'experience de la Revolution Russe. – Paris, 1920.
17. *Серж В.* От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. – Москва–Оренбург, 2001.
18. *Серж В.* Сила и пределы марксизма // Альтернативы. – 1995. – № 4.
19. *Серж В.* Полночь века. Дело Тулаева. – Челябинск, 1991.

Мильман Алла, учительница истории СШ № 37
г. Витебска

Проблема личности в эпоху Возрождения

**Контрольно-обобщающий урок интеграции знаний
с элементами дискуссии**

Цель: подвести итог полученным знаниям на основе двух обобщенных понятий: «раннее Новое время» и «эпоха Возрождения»; самостоятельной работе учащихся по теме дебатов «У.Шекспир: величайшая мистификация или реальная личность».

Задача: углубить знания по теме урока; продолжить формирование навыков сравнительного анализа и решения логических задач, а также умения участвовать в дебатах; разви-

вать логическое мышление на основе интеграции знаний, полученных на уроках общественно-гуманитарного цикла (всемирная история, общество знание, МХК).

Урок основан на личностно ориентированной парадигме. Он является заключительным в системе занятий, которая, в свою очередь, положена в основу авторской программы интегрированного типа по общественно-гуманитарным дисциплинам:

1. Урок-лекция. Формирование основных знаний и понятийного минимума. **Тема:** Западная Европа в период раннего Нового времени: общий обзор.

2. Домашнее творческое задание, работа над которым ведется в течение изучения всей темы «У.Шекспир: величайшая мистификация или реальность» (подготовка к дискуссии).

3. Урок-коррекции знаний, умений и навыков. **Тема:** Развитие гуманистических идей: Возрождение и Реформация.

4. Урок решения логических задач и проблемных ситуаций. **Тема:** Колониальная экспансия XVI–XVII вв. (проблема: почему именно на период раннего Нового времени пришелся пик колониальных захватов?).

5. Урок интегрированных знаний (семинар, дебаты, дискуссия и т.д.) по теме «Проблема личности в эпоху Возрождения» (дебаты).

Структура урока

Урок проводится в X гуманитарном классе в ходе реализации авторской программы интегрированного обучения. Стержнем программы являются понятия, процесс их конкретизации и обобщения.

Класс работает на основе дифференцированного обучения. Практический выход реализации программы должен решить **триединую задачу**:

- pragmatическую – подготовка к поступлению в вузы;
- социальную – при максимальной самореализации приносить пользу обществу;